

Сегодня Рыбий Призрак заколол насмерть восемнадцать человек.

У него была такая привычка. Восьмёрка — число счастливое, да и его восьмизубый рыбий трезубец сверкал зубцами. Каждый день он забирал не меньше восьми жизней. Если же добычи не хватало, случайным прохожим оставалось только уповать на милость небес.

По привычке ополоснув оружие, он отскоблил от зубьев налипшие ошмётки плоти и осколки костей. Начистил сталь до блеска, бережно отложил в сторону. Опустив босые ноги в ледяную речную воду, он развязал кожаный бурдюк, достал раздобытую днём свиную голову и принялся неторопливо жевать, запивая мясо крепким вином.

Огромная речная гладь спала во тьме. Лишь на его лодке тускло покачивался одинокий фонарь. Пронизывающий ночной ветер приятно охлаждал кожу.

Посреди трапезы палуба под ногами едва заметно дрогнула. Кто-то ступил на борт.

На этом судне Зал Крылатого Змея прятал золото и сырьё, отбитые у управляющего. От этих богатств зависело будущее всей организации, так что на борт допускали только преданных, проверенных людей.

Лодочники давно спали в каюте. Кто же тогда пожаловал?

Сделав глубокий глоток, Рыбий Призрак заткнул бурдюк. Бесшумно перехватив оружие, он пригнулся и скользнул во тьму, крадучись вдоль борта.

Луна дрожала в мелкой зыби.

Помимо собственных мягких шагов, он уловил чужое шевеление на противоположном конце палубы. Незнакомец двигался в обратную сторону. Было ли это случайностью или чужак почуял погоню, но охотничий азарт Рыбьего Призрака уже разгорелся.

Началась игра в кошки-мышки.

Он преследовал незваного гостя неторопливо, шаг в шаг, пока тот не остановился у самого носа.

Осторожно выглянув из-за надстройки, Рыбий Призрак увидел силуэт на баке. Человек стоял у борта и всматривался в ночную даль, словно любовался речным пейзажем. Вдруг он раскинул руки и плашмя рухнул в воду. Раздался тяжёлый всплеск, лодку качнуло.

Опешив от такой нелепости, Рыбий Призрак подошёл ближе. Он вгляделся в тёмную воду, но та лишь безразлично поблёскивала под луной — ни всплывающих пузырей, ни кругов.

Вдруг трезубец сам собой вырвался из его ладони и взмыл в воздух. Рыбий Призрак похолодел от ужаса. Обернувшись, он не успел даже вскрикнуть — его собственное оружие с силой вонзилось ему прямо в бедро!

Сдавленный вопль разорвал ночную тишину над рекой. Отпрянув, он зажал сочащуюся кровью рану. Уму непостижимо — как родное духовное оружие могло пойти против хозяина? Рыбий Призрак вскинул руку, пытаясь перехватить волю над металлом. Оружие зависло в воздухе, мелко вибрируя, словно в судорожной борьбе.

Он ясно чувствовал чужую, ледяную ауру, сковавшую его артефакт. Кто-то посторонний перехватил контроль!

Стиснув зубы, Рыбий Призрак прикусил язык и брызнул на сталь кровью. На мгновение чужая хватка ослабла, оружие качнулось в его сторону, но в ту же секунду неведомый противник надавил сильнее. Свистящий выпад — и остриё распорол его запястье, перерубив сухожилия и начисто срезав мизинец.

От дикой боли в глазах потемнело, духовные силы хлынули прочь. А предавшее его оружие хищно зависло прямо над головой. На свежезаточенной стали дымилась тёплая кровь, на зубьях висели клочья плоти.

Он мог лишь беспомощно наблюдать, как трезубец вновь устремляется вниз. На этот раз — в голень.

Следующий удар пришёлся в живот. Острые крючья вспороли брюшину, выворачивая наружу сочащиеся багрянцем петли кишок.

Острия взмывали и опускались вновь и вновь. Наконец боль притупилась, сменившись глухим, ватным онемением. Жизнь утекала из него вместе с горячей кровью, тело коченело, а сознание медленно затягивала ледяная мгла.

Палуба качнулась. Из воды на борт бесшумно взобрался мокрый до нитки человек. Лунный свет обрисовал его силуэт: совсем юный парень с круглой, по-детски наивной и чистой физиономией.

Но стоило сморгнуть, как черты его лица исказились, наложившись на чей-то чужой, измождённый лик — обтянутый кожей череп с острым подбородком. Два лица двоились в лунном мареве, сплетаясь в жутковатый призрачный оскал.

Юноша протянул руку, и трезубец послушно лёг в его ладонь. В этот миг Рыбий Призрак всё понял.

— Кто... ты?... — хрипло выдавил он из последних сил.

— Ты убил слишком многих, — заговорил парень. Он мелко дрожал от озноба. — Тебе дела не было до их имён. Но сейчас важно лишь одно: тебе пора сдохнуть.

С этими словами он высоко занёс трезубец и, вложив в удар весь свой вес, вогнал его прямо в череп поверженного врага. Рыбий Призрак широко распахнул глаза, являя миру застывший, безумный взгляд бельм.

Перед тем как провалиться во тьму, умирающий успел разглядеть за спиной убийцы две призрачные фигуры в изодранных чёрных робах — они беззвучно и зловеще скалились в торжествующем смехе.

Ху Лэ отсек изуродованную голову мертвеца, водрузил её на нос лодки и поджёг заупокойные бумажные деньги. Череп медленно чернел в огне, распространяя по реке удушливый смрад палёных волос. Он долго смотрел на пламя, и дрожь в его ладонях постепенно утихла.

"Я убил человека. Но эта тварь заслужила смерть"

Поклонившись в сторону, где покоился прах Старика, он поднял окровавленный трезубец и шагнул в каюту. Лодочники спали безмятежным сном, их храп заглушал плеск волн. Ху Лэ без тени сомнения методично вонзал острей в каждую спящую плоть. Несколько коротких, захлебнувшихся хрипов — и над холодной рекой вновь воцарилась глухая, мёртвая тишина.

Швырнув оружие в воду, он опустился на колени и омыл руки. Когда рябь улеглась, в зеркальной глади отразилось не только его лицо, но и зловещие очертания чужого силуэта.

"Это естественно, — успокаивал его тощий мужчина в сером плаще, когда Ху Лэ впервые в ужасе спросил о видениях. — Ты поглотил его духовное ядро, вместилище всей его жизненной силы. Разумеется, в нём осталась частица его разума. Когда ты достигнешь стадии Единения и обретёшь собственный Путь, его влияние развеется без следа"

"А долго ждать?"

"Всё зависит от воли Небес, твоего Пути и тебя самого"

Одним движением он разбил отражение и поднялся на ноги.

Благодаря чужому ядру его мощь взлетела до пика Царства Черной Рыбы, но совладать с этой внезапной лавиной энергии пока не удавалось — в груди то и дело глухо ныло.

"Надо потерпеть. Скоро пройдёт"

Выбравшись на берег, Ху Лэ обернулся к покачивающемуся судну. Щелчок пальцев — и

струйка чёрного пламени побежала по дереву. Охваченная неестественным огнём лодка медленно пошла ко дну.

Ху Лэ огляделся по сторонам, чувствуя себя потерянным. Куда теперь идти? Он невольно чихнул от сырости.

"Да и куда мне податься?"

Единственным местом, где его могли принять, оставалась Обитель Бессмертного Чайника. В своём последнем письме Цан Доушань упоминал, что они намерены обосноваться в столице и возродить прежнее ремесло.

Но где искать эту столицу? Поколебавшись, Ху Лэ решил держать путь на юг, а рассветёт — расспросить местных.

Догорающий остов судна окончательно скрылся под водой, а одинокая фигура юноши растаяла в ночной мгле.

Город Дункан

Глубокой ночью император тайно призвал во дворец первого помощника Фу Хэгэ. О чём шла беседа за закрытыми дверями, ведали лишь единицы; даже принцесса Минжу, родная сестра государя, терялась в догадках.

Наутро Фу Хэгэ на утренний совет не явился. Вместо этого император зачитал манифест, избличающий его в десяти тягчайших преступлениях — от измены родине до святотатственного заговора. Однако, памятуя, что старик некогда был его наставником, государь проявил милость: приговор смягчили до пожизненного изгнания за тысячу ли без права возвращения.

Падение столь могущественного сановника всколыхнуло весь двор. Чиновники терялись в догадках, почему монарх нанёс столь внезапный удар. В коридорах власти воцарился страх, особенно среди учеников опального канцлера. Но время шло, и вскоре приверженцы Фу Хэгэ с облегчением поняли, что ни император, ни вдовствующая императрица не намерены устраивать чистки. К ним по-прежнему относились с должным почтением. Вскоре новым первым помощником назначили бакалавра Восточного павильона, известного ставленника вдовствующей императрицы. Передача власти прошла мирно, и влияние Тайхоу в государстве достигло своего апогея.

Громкое дело о заговоре тихо затерялось в бесконечных архивах Судебного приказа, и больше о нём никто не заикался.

Дворцовые бури бушевали на вершинах, не тревожа покой простолюдинов на улицах столицы — жизнь там текла своим чередом, безмятежная и сытая.

Раздалось негромкое шипение. Вэйшэн зажжёт масляную лампу, швырнул на стол расшитую сумку-хранилище и резко дёрнул за шнурок. По деревянной столешнице с весёлым звоном покатились груды серебряных слитков. От этого блеска у Цан Доушаня зарябило в глазах. Нагнувшись, чтобы поднять улетевшие на пол монеты, он недовольно проворчал:

— Зачем же так грубо?

— Да потому что я заебался бегать туда-сюда! — Вэйшэн, задыхаясь, налил себе полную пиалу воды, но едва пригубил, как чуть не выплюнул всё обратно. — Блять, кипятки!

Цан Доушань небрежным жестом сотворил над пиалой Заклинание холодной воды.

— Ну и сколько выручил?

— Тысяч пять-шесть, не больше, — Вэйшэн осушил пиалу до дна, блаженно зажмурившись, когда прохлада уняла жар в горле. — В этих ломбардах сидят одни кровопийцы! Цены сбивают нещадно. Не торчал бы этот старый ублюдок за своей бронированной конторкой, я бы ему точно рожу начистил.

Цан Доушань стрёб серебро в аккуратную кучку.

— Все торговцы одним миром мазаны, да и мы сами хороши. Нечего на зеркало пенять.

Он быстро пересчитал монеты и разочарованно вздохнул — сумма оказалась куда скромнее, чем он рассчитывал. Вэйшэн был прав: столичные ростовщики драли три шкуры.

Наполнив пиалу во второй раз, Вэйшэн сделал несколько медленных глотков.

— Я заглянул в лавки благовоний. Сырьё дорожает не по дням, а по часам, цены взлетели уже в пять-шесть раз. А за редкие, отборные травы дерут вообще в сто крат больше обычного. К тому же продают старые запасы, ничего свежего.

Если закупаться сейчас, то даже всех сбережений Вэйшэна не хватит и на пару сотен цзиней.

Опустошив ещё одну посудину, он уныло протянул:

— Мой просчёт. Наших крох ни на что толковое не хватит.

— Твоей вины тут нет, просто время сейчас неудачное, — Цан Доушань похлопал по серебряной горке. — Дождёмся, пока безумие на рынке утихнет, тогда и вернёмся к делу. Раз уж с румянами и пудрой временно покончено, займёмся чем-нибудь другим.

— И чем же?

Цан Доушань почесал затылок.

— Может... лепить вонтоны на продажу?

Вэйшэн аж передёрнулся от отвращения.

— О нет, только не это! Если уж опускаться до стряпни, я лучше буду печь блины на жаровне!

— Договорились, — легко согласился Цан Доушань. — Будем печь блины.

На следующий день Цан Доушань раздобыл огромную чугунную сковороду, на которой можно было выпекать сразу по пять штук, и новое кулинарное предприятие Обители Бессмертного Чайника официально открылось.

Впрочем, старая вывеска Обители никак не вязалась с уличной торговлей фастфудом. Рассудив так, Цан Доушань соорудил деревянный штендер с зазывающей надписью: «Блины, которые ест сам помощник-редактор Академии Ханьлинь!», и водрузил его прямо у входа.

Вэйшэн, прочитав художества товарища, лишился дара речи.

— Ты с ума сошёл? Если этот зануда Ян Чжибай увидит, он же нам обоим шеи свернёт!

— Не дрейфь, — отмахнулся Цан Доушань с самым невозмутимым видом. — Завтра, когда он будет проходить мимо по дороге на службу, просто сунь ему в руки парочку горячих блинов. А штендер выставим, как только его фигура скроется за поворотом.

План сработал безукоризненно. Ян Чжибай, получив утреннее бесплатное угощение, остался чрезвычайно доволен и зашагал в свою Академию, бережно прижимая к груди тёплый свёрток. Стоило его силуэту растаять в утреннем тумане, как Вэйшэн тут же выкатил жаровню, плеснул на раскалённый чугун масла и принялся ловко орудовать лопаткой.

Местные обыватели отродясь не видели, чтобы практикующие заклинатели стояли у плиты, да ещё и кочегарили жаровню истинным духовным пламенем. В меню значилось четыре вида:

толстое тесто с минимумом зелени, толстое тесто со скромной мясной начинкой, а также их полные противоположности — тончайший край с обилием мяса или сочных овощей. Цены указали чётко, без обмана. Любопытная толпа мгновенно окружила прилавок — каждому нетерпелось отведать яство, приготовленное с помощью магии.

Вэйшэн в своём кулинарном мастерстве не сомневался. Блины из плотного теста выходили у него золотистыми, с хрустящей корочкой, но без единой подпалины. Само тесто таяло во рту, оставляя приятное сладковатое послевкусие свежего зерна. Ну а тонкие мясные блины, хоть и стоили недёшево, отрабатывали каждую медную монетку до последнего фэня.

К тому же, будучи заклинателем, ему даже не приходилось пачкать руки — блинчики сами переворачивались в воздухе по его воле, а жар регулировался тончайшими мысленными импульсами. Вэйшэн просто вальяжно сидел на стуле, управляя процессом исключительно силой мысли.

К вечеру они распродали больше сотни штук, выручив приличную горсть звенящей меди. Вэйшэн с довольной улыбкой пересчитывал монеты:

— Слушай, а может, ну их, эти белила да румяна? Блины печь куда проще, а доход — хоть лопатой гребь.

Цан Доушань, усердно вымешивавший в чаше очередную порцию теста, отрезал:

— Исключено!

— Это ещё почему?!

— Несolidно, — бесстрастно обронил Цан Доушань, даже не подняв глаз.

<http://bllate.org/book/18329/1866236>